

Национально-освободительная борьба и социалистическая Югославия глазами очевидцев: «личная» история эпохи в романе М. Кресе «Страшно ли мне?»

Одна из продуктивных романских моделей словенской прозы последних лет основана на опыте личного восприятия событий новейшей национальной истории. Эта тенденция наблюдается в творчестве писателей разных поколений: Г. Войновича («Югославия, моя страна», 2011, «Инжир», 2016); Н. Пирьевец («Сага о чемадане», 2003); М. Маццини («Король грохочущих духов», 2001, «Вычеркнутая», 2014, «Детство», 2016), М. Кошуты («Моряк на козе», 2015) и др. Зачастую обращение к «невывышенным» сюжетам, основанным на реальных событиях и человеческих судьбах, апеллирующим к прошлому, сопровождается актом их «разоблачения», это явление лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 г. Светлана Алексиевич назвала «пропущенной историей»¹. Эту формулировку можно истолковать и иначе: история, «пропущенная» через себя. Оба ракурса присутствуют в романе М. Кресе «Страшно ли мне?», повествующем о судьбах словенских партизан, участников Второй мировой войны.

Маруша Кресе (1947–2013), литератор, журналистка, общественный деятель, получила широкое признание в Европе за свою гуманитарную миротворческую деятельность и борьбу за права человека в период военного конфликта в Югославии 1991–1995 гг. (награждена Почетным знаком Президента ФРГ «За заслуги», 1996). Она родилась

в Любляне в семье бойцов 4-ой словенской народно-освободительной бригады имени Матии Губеца*, героев национально-освободительной борьбы Франца Кресе-Чобана (1919–1980) и Людмилы Кресе (1922–1999). Получила разностороннее образование: изучала историю искусств, сравнительное литературоведение и психодинамическую терапию в Словении, США, Великобритании, Нидерландах, пробовала себя в качестве психотерапевта. С 1990 г. Кресе жила и работала в Берлине, Граце, Тюбингене, как независимый журналист писала для немецких и австрийских журналов, газет и радиостанций. Участвовала в нескольких антивоенных литературных проектах, например, в проекте «Письма женщин о войне и национализме» (1999) о событиях 1991–1992 гг. на территории бывшей Югославии. В 2012 г. вернулась в Словению. Первый из ее семи поэтических сборников («Сегодня») вышел в Австрии в 1989 г., там же увидели свет и все последующие, за исключением книги «Сараево, любовь моя», которая была напечатана в переводе на боснийский язык в столице Боснии в 1994 г., что само по себе говорит о многом.

На родине читатель впервые познакомился с прозой Кресе в 2006 г., когда крупное национальное издательство «Младинска книга» опубликовало сборник ее автобиографических рассказов «Все мои Рождественские праздники», в том же году удостоенный престижной премии «Фабула» за малую прозу. Книга, проблематика которой связана с осмыслением роли женщины в современном мире, вызвала интерес и имела в Словении резонанс благодаря стилистическому изяществу авторского нарратива, удачному соединению в нем юмора и «серьеза», снижающему ложный пафос и безапелляционность воинствующего феминизма. Более трагическая интонация присуща сюжетам следующего сборника рассказов «Все мои войны» (2009), где писательница сквозь призму личного восприятия конкретных событий, начиная с войны во Вьетнаме и заканчивая оса-

* Губец Матия (1538–1573) — предводитель крестьянского восстания 1573 г.

дой Сараево, рассуждает о своем времени как об эпохе постоянных вооруженных конфликтов.

Военная тема становится центральной и для единственного романа писательницы «Страшно ли мне?», который вышел в Словении в издательстве «Гога» в 2012 г. Его действие охватывает более семи десятилетий, с 1941 по 2012 год, по сути, все важнейшие этапы словенской истории второй половины XX в., среди которых фашистская оккупация, народно-освободительная борьба и гражданская война, создание социалистической Югославии, ее существование и крах, появление на карте Европы суверенного государства Республика Словения и первые десятилетия его независимого пути. В 2013 г. роман был отмечен премией словенской литературной критики и включен в шорт-лист премии «Кресник» за лучший роман года. Без сомнения, это одно из лучших современных произведений о судьбе военного поколения, к которому принадлежали родители писательницы. Повествование ведется от лица героя и героини, участников партизанского антифашистского сопротивления и послевоенного социалистического строительства, затем в него вплетается голос их дочери, представительницы югославской студенческой молодежи, которая в 1960-е гг. под музыку «Битлз» и «Роллинг Стоунз» критиковала общественные институты, выступала с политическими требованиями, искала новые способы самореализации. Все три главных персонажа безымянны, маркированы личными местоимениями третьего лица «он», «она». Писательница, однако, не скрывала, что прототипами героев романа во многом послужили ее отец, мать и она сама: «В детстве я наслушалась рассказов о том, кто что пережил во время войны, в каких краях все происходило [...]. Вот почему этот сюжет рассказывают мужчина, женщина и ребенок, рассказывают с достоверными биографическими деталями»². В романе разворачивается история любви двух молодых партизан, которая выдерживает испытание голодом, холодом, болью, страхом во время войны, помогает героям выжить в условиях коммунистической диктатуры. В этой, казалось бы, частной судьбе

отдельно взятой словенской семьи отражается хроника целой эпохи, что дает автору возможность затронуть ряд болезненных, до сих пор «неудобных» для граждан Словении и других, возникших на обломках СФРЮ независимых государств вопросов: раскол общества во время оккупации, обесценивание идеалов национально-освободительной борьбы и беззакония властей в годы социализма, разжигание и обострение межнациональных противоречий после 1980 г. и в постюгославский период. Все эти виражи югославской и словенской истории воспроизводятся через монологи героев, в которых они воссоздают в памяти и заново проживают случаи из своей прошлой жизни. В последнем интервью Кресе призналась, что одним из импульсов, побудивших ее обратиться к истории своей семьи, стал именно крах Югославии: «Когда я начала ездить в Сараево во время войны в Боснии и Герцеговине, мне не было страшно, хотя я видела и пережила ужасные вещи. Тогда я начала задумываться о молодых людях, какими были мой отец и мать, когда они ушли в партизаны. Отец еще в течение тридцати лет после окончания войны по-своему переживал тогдашние травмы. И я поняла, что бывают моменты, состояния, когда ты просто не замечаешь страха. Только так можно пережить столь тяжкие времена. Без сараевского опыта я бы этого не осознала»³.

Композиционно роман разделен на три части и эпилог, в каждой из частей представлен конкретный отрезок времени: с 1941 по 1952, с 1952 по 1968, с 1968 до середины 1990-х гг., в эпилоге действие происходит в 2012 г. Сюжет вкратце таков: парень и девушка, он из Нижней Крайны, она из словенского Приморья, региона, жители которого еще до Второй мировой войны столкнулись с итальянской фашистской экспансией, встречаются в партизанском отряде. Он вскоре становится командиром, она комиссаром. Со своей бригадой оба проходят тяжелейший путь, на географию которого есть только намеки: форсирование реки Колпы, госпиталь в Кочевском Роге*, переговоры на остро-

* Кочевский Рог — гористая местность на юге Словении. С 1942 г. там находился главный штаб словенского партизанского движения и партизанские госпитали.

ве Вис*. В одном из боев герой получает тяжелое ранение, чудом остается в живых, но теряет ногу. Военная судьба сводит молодую пару с Й.Б. Тито и другими лидерами партизанского движения: женой Эдварда Карделя** Пепцей, Иваном Мачеком-Матией***, вошедшим впоследствии в высшие эшелоны новой власти. После войны молодые люди учатся, играют свадьбу, получают от новой власти реквизированную у «контрреволюционных элементов» квартиру, героя выбирают депутатом республиканской Скупщины, героиня осваивает специальность «художник-реставратор» и занимается спасением пострадавших во время войны национальных культурных ценностей. Глава семьи получает правительственные звания и награды, супруги попадают в число избранных, «проверенных» кадров социалистической элиты, их регулярно приглашают на правительственные приемы в резиденции Тито (на озере Блед, в Брдо и т. д.). Между тем старшая дочь, поездив автостопом по Европе в конце 1960-х гг., после неудачного замужества уезжает сначала в Америку, а потом, к ужасу отца, в Германию, которая навсегда останется для него вражеским государством. В 1980 г. пара присутствует на похоронах Тито, вскоре глава семьи тоже уходит из жизни. Финал третьей части посвящен командировке дочерей героев, ставших журналистками, в воюющую Боснию. В эпилоге многочисленные потомки героической партизанской четы — их дети, внуки и правнуки отправляются в морское путешествие по следам отца главного героя, в 1930-е гг. уехавшего на заработки в Южную Америку и пропавшего там без вести.

Структура повествования в романе Кресе связана с вербализацией памяти посредством нарратива. Реконструируя несколько десятилетий жизни своей семьи, она опирает-

* Вис — остров в Адриатическом море возле далматинского побережья. В 1944 г. там находилась «Пещера Тито», командный пункт, откуда он руководил антифашистским сопротивлением.

** Кардель Эдвард (1910–1979) — словенский политик и публицист, соратник Й.Б. Тито, идеолог КПЮ, занимал ряд высших должностей в СФРЮ.

*** Мачек-Матия Иван (1908–1993) — в период НОБ начальник главного штаба партизанских бригад, занимал должности в силовых структурах и правительстве РС.

ся как на лично пережитое, так и на воспоминания своих родителей, которые интерпретирует весьма субъективно, часто делая акцент на этическом звучании поступка в условиях историко-политического контекста эпохи. Таким образом, принцип достоверности, важнейший для документальной литературы, писательница сочетает с правом на авторское прочтение конкретных страниц истории. Авторским является также выбор ключевых исторических эпизодов и определение их смысловой нагрузки. При воссоздании атмосферы военного времени и титовской эпохи писательнице не удалось избежать и некоторых стереотипов так называемой протезированной памяти (prosthetic memory — термин Э. Ландсберг⁴) — культурной памяти поколений, сформированной благодаря соединению широко доступных и распространяемых средствами массовой информации фактов, легенд, мифов (например, восприятие словенцами Триеста, в 1954 г. отошедшего обратно Италии, как этнически «своего», словенского города). Субъективное видение прошлого, а также гендерно-эмоциональная (в зависимости от того, от чьего лица — мужчины или женщины идет «рассказывание») подача отдельных фактов значительно усложняют положение читателя, далекого от историко-политических реалий описываемой эпохи. Далеко не всем словенцам понятно, о каких обстоятельствах и личностях идет речь. На это, в частности, обращает внимание автор предисловия к роману С. Храстель⁵. Документальная канва событий такова: Вторая мировая война на территории Югославии началась 6 апреля 1941 г., когда германские войска без объявления войны начали наступление на югославских границах. В течение нескольких дней территория Словении была оккупирована и разделена между Италией, Венгрией и Германией, которой отошла большая часть словенских земель. В июле 1941 г. Освободительный фронт словенского народа активизировал партизанское движение, начался вооруженный отпор оккупантам. Однако лидеры ряда политических партий открыто встали на сторону новых властей. В 1943 г. на занятых Германией

территориях для борьбы с партизанами и частями народно-освободительной армии Югославии были организованы добровольческие вооруженные подразделения словенцев, получившие название домобранцы, находившиеся в подчинении Вермахта. Словенское общество раскололось, что повлекло за собой гражданскую войну. Одной из самых трагических страниц начала нового социалистического этапа национальной истории стала расправа народной власти над участниками воинских соединений, воевавших на стороне ее противников (весна 1945 г.). Находившиеся на довоенной границе с Австрией в районе Блайбурга и Ветриня десятки тысяч человек были в конце мая переданы английскими военными Югославской Народной Армии и массово расстреляны без суда. 29 ноября 1945 г. в Белграде была принята декларация о ликвидации монархии и провозглашении Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ), в которую на правах республики вошла Словения. Первые годы коммунистического правления шли по советскому сценарию, затем многонациональное государство сделало попытку найти свой аутентичный путь. Сорок с лишним лет, вплоть до провозглашения в 1991 г. независимого государства, политическое, экономическое и культурное развитие Словении в целом было подчинено общегославскому идеологическому курсу с его партийными чистками и сфабрикованными судебными процессами, противостоянием Тито и Сталина (события 1948 г.*), слежкой спецслужб и партийным контролем в сфере образования и культуры, с одной стороны, и подлинным интернационализмом, взаимопомощью и дружбой между народами и республиками, энтузиазмом созидания и практическим воплощением в жизнь лозунга «Братство — единство!», наконец, созданием особого — югославского — культурного пространства, — с другой. После распада империи Тито последние иллюзии

* Резолюция Коминформбюро, опиравшаяся на доклад Жданова «О положении в Коммунистической партии Югославии», опубликованная 29 июня 1948 г., привела к открытому разрыву КПЮ с другими коммунистическими партиями, а затем и политической конфронтации Югославии с СССР. Все сторонники Сталина были исключены из КПЮ и подвергнуты репрессиям.

были разрушены, героические идеалы партизанской борьбы «вышли из моды», попав под общее развенчание тоталитаризма, патриотические приоритеты изменились — настоящими спасителями отечества вдруг оказались те, кто когда-то перешел на сторону захватчиков.

Важные моменты национальной истории репродуцируются в романе через их восприятие и переживание очевидцами — именно таким образом автор вводит в текст значимую для нее историко-культурную проблематику. Так, братоубийственное противостояние словенских красных и белых периода оккупации выразительно представлено в нескольких небольших сценах первой части романа.

Вчера взяли в плен несколько наших деревенских. В детстве мы все время болтались вместе. Смотрю, как они перепуганные сидят на земле и ждут. Ждут. Воплощенное несчастье. Останавливаюсь перед Миланом. Когда-то я была в него чуть-чуть влюблена. Чуть-чуть. Впрочем, может, и нет, не знаю.

«Милан, что на тебя нашло, ты чего прибился к фашистам? Зачем? Почему не ушел с нами?»

Милан отводит глаза.

«Мы вместе с дядей и двоюродным братом записались. А дядя еще сказал, чтобы и мой отец, его брат, присоединился к белогвардейцам. Правда-то на их стороне. Да и священник его благословил» (17).

В этом рассказе есть существенная для национального менталитета подробность — в нем отмечена роль священнослужителей, большинство которых открыто поддерживало словенских домобранцев*, в жизни простого словенского крестьянина. Использование оккупантами католической церкви в качестве рычага давления на население являлось одной из особенностей оккупационной системы в Оперативной зоне Адриатического побережья**. Второй

* Одним из идеологов и апологетов Словенской домобранской лиги был люблянский епископ Г. Рожман.

** Оперативная зона Адриатического побережья (нем. Operationszone Adriatisches Küstenland, OZAK), итал. Zona di Operazioni Litorale Adriatico) — район оккупации нацистской Германии на Адриатическом побережье на территории современных Италии, Словении и Хорватии в период Второй мировой войны.

эпизод раскрывает личностные качества героя: узнав в случайном вооруженном прохожем своего соседа, одноклассника, друга, который перешел на сторону белых, молодой командир проявляет мудрость и милосердие:

Стоит передо мной и дрожит.

«Ты?» Падает на колени. «Я только хотел убедиться, что дома все в порядке».

Я смотрю на него. Так же, как и я. Он хотел увидеть свой дом. Свою жизнь.

«Петер, что с тобой случилось? Почему ты ушел к ним?»

Он всегда был трусоват. Но я все равно его любил. Среди нас, деревенских мальчишек, он был самым доверчивым. Всегда нам во всем безоговорочно верил. Иногда мы этим пользовались и вредничали. Только иногда.

«Знаешь. Я тогда подумал. Если уйду к белогвардейцам, то мой здесь будут в безопасности. Не замерзнут. С голоду не помрут. И я тоже. Прошу тебя, пожалуйста. Не трогай меня.» [...]

«Оставь оружие и беги. Беги. Не оборачивайся» (53).

Тема Блайбургской бойни — массового уничтожения бойцами ЮНА пленных домобранцев и участников других воинских соединений, воевавших на стороне Вермахта, поднимается в романе опосредованно, упоминаются лишь действия англичан, которые «отправили спасавшихся бегством белогвардейцев и усташей назад в Югославию» (70). «Теперь все на нервах из-за выборов и из-за этих, которых англичане отправляют обратно» (76). А вот событиям 1948 г. и их последствиям уделено пристальное внимание. Кресе воспроизводит эти страницы югославской истории, опираясь на свидетельства отца и матери, членов КПЮ, представителей «первого эшелона» первоборцев, которые, в момент «лобового столкновения»⁶ Москвы и Белграда, оказались к этой пропагандистской войне абсолютно не готовы. Нарочитый гротеск эпизода с партсобранием (трудовой коллектив журнала «Младина» должен публично отрестититься от сталинского курса, на верность которому еще вчера присягал) подчеркивает зловещую абсурдность происходящего:

В дверях меня подстерегает Цирил. Грубо притягивает к себе и шепчет:

«Ты не за Сталина. Ты — против. Он наш враг».

Тупо на него смотрю.

«Разве Сталин? Ты ошибаешься. Еще сегодня утром он был нашим другом», — шарахаюсь от него в смятении.

«Ты против Сталина. Думай, что будешь говорить».

«Ты имеешь в виду англичан?»

«Нет, русских. Англичане все еще союзники. Теперь еще больше. И американцы. Запомни. Друзья».

«Господи, помоги», — думаю я.

Сидим за круглым столом. Цирил и двое других, которых не знаю, задают нам вопросы. Строго по очереди. Как в школе.

«Сталин наш враг».

«Мы готовы защищать наши границы от Красной Армии. Мы должны. Так, как мы защищали их от Гитлера».

Нет, еще одной войны мне не вынести.

«Сталин хочет нас поглотить».

«Сталин ненавидит югославских коммунистов и Тито».

«Говорит, что мы рабы капитализма».

Слушаю.

«Сталин нам не друг», — повторяю как попугай.

«С нами англичане, американцы. Весь западный мир».

Про китайцев спрашивать не осмеливаюсь.

На очереди Катя.

«Тито, Сталин! Тито, Сталин!» — выкрикивает она.

Так, как все мы делали еще вчера. Собственно говоря, еще сегодня утром. Катя извлекает на свет божий еще Ленина, и Маркса с Энгельсом. Толкаю ее локтем и шепчу:

«Сталин больше нам не друг».

Катя не сдается. Я должна что-то сделать. Трогаю ее лоб рукой и быстро встаю.

«У Кати высокая температура. Мне кажется, она бредит. Я отведу ее домой».

Поднимаю ее со стула, закутываю в свое пальто, прижимаю к себе. Уходя, с гневом смотрю Цирилу прямо в глаза (104–105).

Дома супруги начинают лихорадочно избавляться от всего, «что связано с Советским Союзом, напоминает о вчера еще братском народе» (106). Среди самого дорогого — медаль «Герой Советского Союза», присланная из Москвы раненому югославскому товарищу в 1943 г., маленький со-

ветский флаг, русские книги: Толстой, Достоевский, Чехов, Горький. Тема 1948 г. продолжит развиваться во второй части романа, действие которой разворачивается между 1952 и 1968 гг. Здесь к двум взрослым рассказчикам присоединяется третий — ребенок, недавние трагические события проецируются на детское мировосприятие: «Еще вчера папа и мамин брат разговаривали о каких-то процессах. О врагах народа. О преследовании классовых врагов. Когда они заметили, что я в комнате, то замолчали. Не знаю, почему» (120). В начале 1950-х репрессированные начинают возвращаться из лагерей, пытаются жить заново. Беседа с одним из них, бывший командир партизанского отряда вдруг осознает, что его былая уверенность в законности титовских судилищ поколеблена, что пострадать во время антисталинской кампании мог любой. Многие из тех, кто попал под каток репрессий и после освобождения не узнают причины своего ареста и аргументации приговора. Герои начинают испытывать душевный дискомфорт — радость победы, надежда на лучшую жизнь, успешная самореализация омрачаются чувством страха, неуверенностью в завтрашнем дне, смятением, подчас несогласием с тем, что происходит вокруг. Эти внутренние противоречия ярко раскрывает, на первый взгляд, невинный эпизод, связанный с работой VII конгресса СКЮ, состоявшегося в Любляне весной 1958 г. Героиня искренне радуется такому большому событию: «Наконец, мы дождались — в Любляне пройдет съезд коммунистической партии Югославии [...]. Наконец, и мы стали центром мира [...]. Многих знаю. С каждым хочется пообщаться. С нетерпением жду перерыва. Слушаю, слушаю о пути нашей партии, единственно правильном, о том, кто мы, и чего еще достигнем. Говорят о красоте нашей страны и достоинстве нашего народа. Забываю о своих переживаниях» (133). Вдруг по громкой связи ее просят на выход. Оцепенев от ужаса — в президиуме сидит сам Тито — женщина выходит из зала, краем глаза замечая, как муж, бледнея, поднимается со своего места в почетном первом ряду. Счастливая развязка этой ситуации — все дело в

оставшейся дома грудной дочке, которая отказывается от бутылочки и требует маму — только подчеркивает, каким уязвимыми в условиях политической диктатуры могут быть даже те, кто, казалось бы, облечен ее доверием.

Партийная власть стремится поощрять патриотизм граждан молодого государства, и вот уже участие в рядах антифашистского сопротивления становится пропуском в мир льгот: всем, «кто был в партизанах, или подполье, или помогал Освободительному фронту, при расчете стажа для пенсии эти годы будут учитываться вдвойне» (127). Оказавшись в особой комиссии «год за два», героиня сталкивается с потоком людей, стремящихся нажиться на былой трагедии, приписывающих себе чужие заслуги. Номенклатурные блага, спецраспределители, спецпайки привлекают в ряды коммунистов все больше проходимцев, многие из тех, кто, сражаясь за свободу родины, прошел войну «от звонка до звонка», рисковал жизнью, потерял здоровье, оказываются не у дел. Обесценивание идеалов партизанского братства ведет героев к разочарованию в достигнутом, внешне благополучная жизнь, успешная карьера не делают их счастливыми. Единственно, чего оба по-настоящему хотят — чтобы у их детей все сложилось. Однако сыновья и дочери героического партизанского поколения на волне вольных 1960-х требуют перемен, свободы, открыто протестуют. В этом конфликте с властью некоторые «отцы», по мнению Кресе, были на стороне бунтующей молодежи. Не случайно о студенческих волнениях 1968 г., прокатившихся по университетским городам СФРЮ, в романе рассказывает не дочь героев, их участница, а ее отец, высокопоставленный функционер, лично знакомый с главным «охотником» за студенческими головами, шефом госбезопасности республики.

Однажды утром на философский факультет явилась полиция и закрыла его. Студентам запретили входить в здание. Они ждали часами и не понимали, что происходит. Говорят, ночью на стенах университета появились гигантские надписи. До сих пор никто не знает, что там было написано. Вроде бы лозунги антикоммуни-

стического содержания, против Тито, против самоуправления, в поддержку капитализма и при этом с троцкистским и маоистским уклоном. Такие ходят слухи (149).

Спецслужбы начинают следить за молодыми активистами, те воспринимают все как игру, не понимая, чем реально это может им грозить. Силовики же собирались шантажировать ребят, чтобы заставить их стучать на своих. Лишь благодаря вмешательству отца, пользующегося уважением Тито, его дочь и ее друзей-студентов оставляют в покое. Через двенадцать лет бывший партизан и народный вождь встретятся в последний раз — на гражданской панихиде в здании Скупщины Югославии.

Похороны Тито, состоявшиеся 8 мая 1980 г. в Белграде показаны глазами героини, вместе с мужем получившей персональное приглашение на траурное мероприятие. Для обоих это прощание символизирует конец великой эпохи. «Народные герои, те, кто еще остался, шагали за гробом Тито. Так как он уже почти не может ходить, его усадили на почетную трибуну. Смотрю на решительный шаг героев, несущих награды Тито, смотрю на него, прислушиваюсь к себе. Во мне что-то умирает, что-то, как мне казалось, давно умершее [...]. Решимость, борьба за лучшую жизнь, воодушевление, которое не позволяло нам сдаваться, наше товарищество [...]. Маленькая надежда. Теперь она умирает. Герои. Он. Я. Это их лебединая песня? Это его лебединая песня? Это моя лебединая песня?» (157). С распадом многонациональной Югославии время народных героев окончательно уйдет в небытие. Эпоха, ставшая для них судьбой, «укладывается» в романе «Страшно ли мне?» в промежуток между двумя днями: октябрьским днем 1944 г. и августовским днем 1992 г. Между днем освобождения Белграда, о котором восторженно, в духе интернационализма пишет в письме своему комиссару ее подруга Мария и одним из дней осады Сараево, куда с миротворческой миссией отправились дочери этого комиссара, прошла вся жизнь военного поколения. Узнав, что девочки, выросшие на ее глазах, поехали в Боснию, ветеран НОБ Мария звонит из Белграда в

Любляну, чтобы предупредить о страшной угрозе «боснийской пропаганды», которой подвергаются все оказавшиеся на той, «вражеской» территории. И мать этих девочек, нестигаемый комиссар 4-й словенской народно-освободительной бригады имени Матии Губеца, вдруг окончательно осознает: «разваливается все. Наша страна. Наша дружба. Наша история. Наши жизни» (165).

Лишенный идеализации, но исполненный глубокого уважения к совершенному в годы войны человеческому подвигу портрет бескомпромиссного поколения бойцов с фашизмом в романе Кресе — дань памяти эпохе и людям, воспоминания о которых нужно сохранить «именно теперь, когда мир, построенный ими, рухнул»⁷. В финале автор детально реконструирует фрагмент своего путешествия по местам боевой славы родителей: добравшись до лесной чащи, где когда-то была сформирована их партизанская бригада, дочь при виде «маленькой стыдливой красной звезды» склоняется «в благоговейном молчании» (169). И с горечью вспоминает фразу сына-тинейджера, свидетельствующую о том, как в угоду политической конъюнктуре может быть переиначена история: «Я еду из родной страны, где вдруг стало стыдно, что твой отец был народным героем, еду в Германию, где я могу с гордостью об этом сказать» (170).

Воссоздавая эпоху, ставшую судьбой для целого поколения Кресе, опираясь на свидетельства носителей личной памяти, использует рассказ от первого лица, разворачивающийся в настоящем времени, тем самым максимально приближая события прошлого, снимая временной разрыв между историей и сегодняшним днем, существующий в читательском сознании. Она, как писал Б. Эйхенбаум, «берет время под руку»⁸, добиваясь эффекта присутствия: прошлое начинает «совершаться» на наших глазах. Это еще одно доказательство того, что литература, опирающаяся на факт, есть подтверждение существования реальности и человека как ее составной части.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Алексиевич С.* Чернобыльская молитва (хроника будущего) URL: http://lib.ru/NEWPROZA/ALEKSIEWICH/chernobyl.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 14.01.2018).
- ² Svetka Bevc z Marušo Krese // *Sodobnost*. 2011. Let. 75. St. 12. S. 1557.
- ³ *Кресе М.* Страшно ли мне? / Перевод Н. Стариковой. М.: Центр книги Рудомино, 2017 // Авторский постскриптум. Фрагменты интервью. С. 173. Здесь и далее цитируется это же издание, номера страниц указаны в тексте статьи.
- ⁴ *Landsberg A.* Prosthetic Memory. The Transformation of American Remembrance in the Age of Mass Culture. New York, 2004.
- ⁵ *Hrastelj S.* Partizanski prapori in Antigona // *Krese M.* Da me je strah? Novo Mesto, 2012. S. 193.
- ⁶ Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011. С. 583.
- ⁷ Svetka Bevc z Marušo Krese ... Ibidem.
- ⁸ Из переписки Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума с В. Шкловским // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 201.